

Лучше всего Нориэль замечал течение времени именно благодаря людям. Впервые молодой эльф по-настоящему ощутил течение времени, когда познакомился с Айшей, маленькой смуглой девочкой со странными татуировками. Цикл жизни и смерти животных и растений имели место быть, однако лишь благодаря людям бывшему духу удалось прикоснуться к времени и вместе с тем — испугаться его.

Вновь и вновь перед его глазами появлялась дорога жизни, по которой он шёл медленнее самой старой и слабой черепахи. Люди же, к которым он по тем или иным причинам умудрялся привязаться, бежали так быстро, что ему только и оставалось смотреть за их удаляющимися спинами.

«Теория», которую начал развивать ещё Малик, в руках Нориэля и Мордвина начала дополняться.

Ранее слабый молодой человек прямо на глазах молодого эльфа разгонялся. Всё быстрее и быстрее.

Духовный мир. Могли ли разумные существа, не получившие по факту рождения какое-то особое восприятие, хотя бы краешком глаза увидеть этот мир и если да, то как это развить? Принадлежала ли сила чудотворцев именно к духовному миру, а не какому-то иному? В конце концов, как с ним, многогранным духовным миром, можно было взаимодействовать? Это были основные вопросы, которые задали себе два чудотворца.

Перво-наперво следовало решить вопрос восприятия. Нориэль изначально имел намного более развитое духовное восприятие, чем остальные. В конце концов, он и сам был духом, притом — далеко не самым слабым. После же своеобразного просветления он начал видеть вокруг людей марево. Мордвин в том числе имел зачатки этого восприятия, что уже давало определённые перспективы. Вспоминая же, как сам Нориэль, родившись практически «простым» эльфом, развил в себе источник, и что на это были способны теоретически даже самые обычные люди...

Не существовало ничего невозможного. Нориэль верил в это.

Словом, для довольно-таки активного молодого человека развитие духовного восприятия превратилось в настоящую пытку.

— Нориэль, мы сидим так уже половину дня, это ведь даже не медитация... — пробормотал устало молодой мужчина. — Я уже почти не чувствую ног. Демоны тебя заberi, твои духи издеваются надо мной!

Для Нориэля мольбы Мордвина ничего не значили, да и духам хотелось развлечься.

— Лишь слабое дуновение ветра, — улыбнулся Нориэль.

— Ну коне...

Очередной поток воздуха заставил молодого человека в позе для медитации закашляться. Нориэль на собственном примере знал, что восприятие можно было развить, углубить. Оставалось лишь нащупать процессы, которые за это отвечали. И пусть у них не было достаточно материала, чтобы разобрать столь необычный процесс на отдельные составляющие, это не значило, что ребята не могли найти хотя бы примерный путь.

И на триста тридцать седьмой год от Великого Объединения племён Маликом они смогли.

— Я что-то вижу! Нориэль, я что-то вижу!

Сидевшей в позе для медитации Нориэль открыл глаза. Год постоянных проб и ошибок, наконец, начал давать свои плоды. Эксперименты с медитацией, попытки погрузиться на самые глубины сознания, регулярное взаимодействие с духами, десятки различных способов всестороннего развития, начиная от базового физического и заканчивая индивидуальным энергетическим.

Всё ради того, чтобы тот, кто не имел дара видеть духовный мир, приобрёл его и развил. Чтобы по итогу каждый чудотворец мог противостоять сгущавшейся тьме.

Сперва Мордвин смог примерно начать различать духов. Будучи природным явлением, они не имели определённой формы и скорее представляли собой структурированный оттенок той или иной стихии, что и смог краем сознания увидеть молодой человек, замороженно наблюдавший за буйствами стихий.

— Теперь-то вы от меня не сбежите, вредители! — оскалился повелитель смерти.

Духи ответили ему потоком ветра, заставив парня громко рассмеяться и выпустить в окружающее пространство энергию смерти, что мигом заставила духов улететь куда подальше.

Целый месяц Нориэль наблюдал за ребячеством духов и человека.

Немного привыкший к обстановке параноидальный дракончик, доверявший сперва исключительно странному длинноухому гуманоиду, смотрел на Мордвина, как на идиота, размахивая из стороны в сторону шипастым хвостом.

Да, определённо, он с рождения был очень и очень умным.

В одну из зимних ночей, на второй месяц после первого существенного прогресса, когда Нориэль только закончил игру на флейте, а Да-Ру только-только начал засыпать, Мордвин, разглядывая бесчисленных духов в пещере, спонтанно заговорил. Его взгляд казался Нориэлю каким-то зачарованным, мечтательным.

Если тот путь, который они нащупали, был верным, то мир, в котором они жили, был многослойным. Вроде бы цельным, а вроде бы — разделённым на бесчисленное количество иных миров, которые существовали где-то рядом, нужно лишь протянуть руку, лишь прищуриться...

Лишь объяснить своему сознанию, что оно может видеть дальше вытянутой руки.

— Мир намного больше и многограннее, чем может представить себе любой чудотворец в королевстве, Нориэль. Я никогда даже не слышал ничего про похожий дар и то, что его можно развить. Не может же быть так, что мы первые в королевстве, кто к этому пришёл?

— Это не имеет значения, — покачал головой Нориэль. — Даже если к этому уже кто-то пришёл, мы бы всё равно не смогли так просто добраться до этих знаний.

— Богиня бы поделилась этим знанием, — нахмурился Мордвин. — Это должно было быть в её интересах.

— Богиня следует не только своим желаниям, — и вновь покачал головой молодой эльф. — Часть её следует воле людей. Она добрая и злая, она глупая и умная, она горячая и холодная.

Мы не можем знать, о чём на самом деле думает Селеста, Мордвин.

Слова Нориэля застали Мордвина врасплох. Он хотел было возразить, но после задумался, разглядывая витавших в воздухе духов. Вероятно, уже был близок тот день, когда он сможет увидеть если не полностью душу других существ, то, по крайней мере, её часть, как Нориэль.

Что было бы, имей каждый чудотворец такое восприятие?

Мордвин уже мог сказать, что чудотворцы станут могущественнее. Парень уже видел пути взаимодействия его чуда с духовным миром. Знал, как окольно использовать это знание. Не просто «чувствовал» — «видел». Перед ним открывался целый новый мир, и парень сомневался, что только он мог найти в духовном мире для своей силы определённые бонусы. Если взять среднестатистического слепого и зрячего человека, кто будет сильнее? Тот, кто не видит, или тот, кто видит?

Могла ли она передать знание? Хотела ли? Могла ли сама, ограниченная волей людей, осознать их потенциал? Возможно, она осознавала и не осознавала?

Пожалуй, это были не те вопросы, на которые они могли дать ответы.

Мордвин какое-то время помолчал.

— Рано или поздно мы должны будем вернуться в королевство, Нориэль. Нам нужно получить доступ к знаниям родов и самого короля. Это неизбежно.

Нориэль улыбнулся.

Чем-то слова Мордвина напоминали ему слова Малика.

— Твой род не будет рад тебе, — будто между делом напомнил Нориэль.

— Как-будто меня интересует, что думают в моём прогнившем роду, — хихикнул Мордвин. — С радостью познакомлю тебя с моим дядей. И с парочкой кузенов! Я уже не тот слабый юнец, боящийся, что в него с неба прилетит молния. Богиня не ставила никаких запретов, лишь предупредила меня.

Нориэль видел, что человек напротив него становился всё смелее и увереннее в себе, холоднее. К сожалению, это было более чем закономерно: такова была судьба того, кто всецело отдавался собственному чуду и развивал его.

Будто он сам, ранее ранимый ребёнок, не стал ближе к холодной природе? Его менял не только опыт, и это было абсолютно естественно. Желая что-то получить, всегда нужно быть готовым что-то отдать.

— Когда такая потребность возникнет — мы отправимся, — легко кивнул Нориэль.

Да-Ру никак не прокомментировал обсуждение человека и эльфа. До тех пор, пока с ним был Нориэль, маленький дракончик был удивительно тихим и послушным. Он действительно принял эльфа за старшего члена собственной стаи.

— Я уже могу отправиться навестить прекрасную Лоралин?

Неожиданно лукавый вопрос Мордвина ввёл Нориэля в лёгкий ступор.

Дракон открыл один глаз, размахивая из стороны в сторону хвостом. Он пока не говорил и ребята не знали, когда заговорит, однако маленькому Да-Ру это и не нужно было.

У него была на редкость выразительная морда.

— Не смотри на меня так, страшная ящерица, — фыркнул Мордвин. — Имей уважение к старшим.

Парень был на редкость адаптивным, поэтому быстро привык к смертельной угрозе, обитавшей с ним в одной пещере. Главное поверить, что эта угроза — не угроза.

Нориэль переглянулся с Да-Ру. Маленький дракончик то ли не понял, то ли проигнорировал много возомнившую о себе букашку. Возможно, всё вместе. Удивительным образом маленький дракончик уже с рождения был очень гордым и, кажется, высокомерным.

Молодому эльфу ещё нужно было хорошенько поработать над этим. Лишнее высокомерие никогда не приводило к добру. Однажды он уже провалился с воспитанием Каина, и больше не желал повторять столь неприятный опыт. О, кто бы что ни говорил, а учиться на собственных ошибках он, пусть с оговорками, умел!

— Ты сможешь отдохнуть после того, как увидишь марево моей души. Ты должен потерпеть, Мордвин.

Молодой мужчина печально вздохнул.

Нориэль, кажется, заметил, как мотивировать своего друга. Насколько бы он сильно не менялся, его натура оставалась с ним.

Вопрос в том, хорошо это или плохо.

Каким-то чудом это действительно сработало, ведь, когда снег начал таять, этот день настал. В какой-то момент молодой человек открыл глаза и просто уставился на Нориэля, над чем-то серьёзно размышляя. Мордвин выглядел удивительно сосредоточенным.

— Марево, — хмыкнул молодой мужчина, чьи мутные зелёные глаза, казалось, стали ещё чуть глубже. — Да, теперь я понимаю, о чём ты говорил. Можно ли сказать, что это такое же слабое «дуновение ветра», а? Как насчёт того, чтобы назвать это марево «аурой»? Ты ведь не думал над этим ещё? Что ты так на меня смотришь, медлительный длинноухий?

Нориэль удивлённо моргнул.

В тот же триста тридцать седьмой год от В.О. Мордвин стал первым человеком на памяти эльфа, не считая представителей племени Слушающих Духов, который смог увидеть частичку чужой души.

На радостях молодой человек самостоятельно отправился в королевство, пообещав Нориэлю, что вернётся как можно скорее.

За следующие годы это была далеко не единственная его вылазка.

Естественно, это было далеко не всем, чем они занимались. В конце концов, среди них появилась, без преувеличения, личность. Буквально с рождения безумно страшная и могущественная. Казалось, что сущность повелителя неба чувствовали все от мала до велика,

духов вокруг стало заметно меньше, животные стали инстинктивно огиать их территорию и даже поиски демонических псов стали настоящим испытанием: твари боялись.

Да-Ру совершенно не скрывал свою силу, будто намеренно распространяя невидимое энергетическое давление настолько далеко, насколько мог. Маленький дракончик с рождения знал, как обозначить свои владения.

Он умел скрывать свою сущность намного лучше, чем Норизэль или кто-либо ещё, однако пользовался этим намного реже, чем хотелось бы. Когда дело доходило до места, в котором он чувствовал себя достаточно уверенно...

Дракон будто всему миру говорил, что это место принадлежит ему.

Тем необычнее был один из первых разговоров (или нечто похожее на него) едва вылупившегося повелителя неба и эльфа:

— Ты должен научиться скрывать свою силу даже тогда, когда опасности нет, Да-Ру.

— ...

Норизэль какое-то время смотрел в красные глаза дракона.

— Ты слышишь и не слышишь меня, — констатировал молодой эльф, над чем-то задумавшись.

— Ты слишком доверяешь памяти своей крови, Да-Ру.

Дракончик наклонил длинную шею. Молодой эльф каким-то образом чувствовал, что совсем не убедил Да-Ру.

— Сила проявляется не только в твоём чистом могуществе, Да-Ру, — улыбнулся Норизэль. — Сила — это в том числе твоя хитрость, твоя приспособляемость, даже твой длинный язык. Если ты умеешь им пользоваться правильно — он может стать одним из проявлений твоей силы. Этот мир проще и сложнее, чем тот, откуда ты пришёл, росток. Я сам ещё только-только познаю его и многого не понимаю.

Неожиданное признание переставшего улыбаться молодого эльфа, казалось, как-то окликнулось в Да-Ру, однако, к сожалению, если бы одного разговора было достаточно и разумные существа сразу всё понимали, мир был бы совершенно иным.

На протяжении следующих лет они ещё очень и очень часто будут общаться.

Увы, с того момента, как капля крови драконицы в нём дала о себе знать и начала защищать от пламени маленького дракончика, никаких вестей от неё больше не было, не считая общего выросшего сопротивления к огню. Любой огонь действительно будто стал огиать эльфа, не стремясь причинить ему вреда, что, учитывая его силу природы, было огромным преимуществом, однако это не совсем то, чего жаждал Норизэль.

Знания. Возможно, когда Да-Ру станет старше, он сможет помочь?

Практики ребят углублялись. Они продолжали наблюдение, продолжали постоянные медитации и попытки познать себя. Продолжали взаимодействовать и экспериментировать с миром, и особенно — с душами пойманных тварей. По-настоящему счастливым маленький дракончик становился только во время охоты. Ребятам самим даже охотиться не нужно было: Да-Ру, стоило ему сказать, куда они собирались, моментально оживал и начинал так широко

скалиться, что даже острый на язык Мордвин в такие моменты предпочитал закрыть рот и помалкивать, пока маленький повелитель неба не поймает добычу и успокоится.

И без того казавшийся не слишком опасным лес вдруг стал удивительно мирным.

Охота на тварей перестала приносить какие-либо проблемы, материала стало заметно больше, а значит...

Успех был лишь вопросом времени. И он не заставил себя слишком долго ждать. Правда, выводы оказались... спорными.

— Значит, ты всё это время и так воздействовал на души, хитрый длинноухий?

Скептический вопрос Мордвина заставил Нориэля сжать флейту в руках. Рычавшая тварь под ними была придавлена сильной лапой довольного Да-Ру, которому определённо нравилось любое насилие, направленное на тварей из нижних миров. Или, возможно, вообще любое сколь-либо одобряемое Нориэлем насилие.

Нориэль не стал отвечать на риторический вопрос, присев рядом с извивающейся тварью. Не проявляя и капли сочувствия, молодой эльф, сомневаясь, заиграл на флейте. Вроде бы обычно, он даже не пытался использовать своё чудо, однако, если присмотреться, проследить за тем, как менялась аура существа, было очевидно, что какое-то влияние было. Совсем не эмоциональное: вполне реальное, идущее от молодого эльфа. Напрямую его нельзя было увидеть, лишь окольно.

По крайней мере, пока что.

— Когда я говорил, что твоя игра на флейте волшебная, то имел в виду не совсем это, — криво ухмыльнулся Мордвин.

Нориэль вновь не стал отвечать.

Он давным-давно отточил свою игру на флейте до физического совершенства. Он мог играть на ходу, на бегу, вверх и, возможно, вперёд ногами — никто даже не заметит особых изменений, во время игры дыхание эльфа не собьётся, звук не станет хуже. В какой-то момент неотъемлемой частью игры Нориэля стало его чудо. Оно действительно давалось ему с флейтой намного легче. Идеальный проводник его воли, созданный из дерева мифического Леса. Таким образом игра парня приобрела совершенно иной оттенок, оттенок чуда, настоящего волшебства. Для кого-то — мягкого, спокойного, освежающего, приятного, порой грустного, эмоционального, для кого-то же — эта игра была последней, неся лишь смерть.

Нориэль понимал, что его игра уже как-то влияла на души существ. На их эмоции, мысли — это было нормально. Однако он и подумать не мог, что влияет одной лишь игрой не на чужие чувства, а...

Буквально — на души.

Самое же странное, что дело было далеко не только в чуде. Хотя, а что было вообще «странным»? Что они на самом деле знали про души? Про устройство мира?

— Мир слишком многогранный, чтобы познать его за одну жизнь, — пробормотал Нориэль, смотря в глаза безумной твари.

Мордвин скептически хмыкнул.

Молодой эльф с какой-то нежностью положил руку на трясущуюся голову твари, после чего...

Из головы заскулившего создания начал прорасти фиолетовый цветок. Большой, пахучий, по-настоящему прекрасный. К сожалению, чёрная душа демонической твари не очистилась, пусть аура и задрожала. Казалось, тьма вообще никак не отреагировала на вмешательство чужой энергии. Не нужно было уточнять, что это был очередной провал. И всё же, несмотря на то, что это был очередной провал, Мордвин и Нориэль сделали, казалось бы, маленькое, и вместе с тем — просто огромное открытие.

Нориэль повернул голову на задумчивого Мордвина.

— Что ты думаешь, Мордвин?

Молодой мужчина потёр щетину.

— Пока рано что-то говорить. Нам нужно больше материала. Многослойный мир... — парень нахмурился, будто в первый раз осматриваясь. — Если мы правы, то нам нужно лишь дотянуться своей силой ещё чуточку дальше.

С неба к Мордвину неожиданно прилетела мёртвая ворона, оказавшись у него на плече. Мёртвая ворона громогласно каркнула. Аура мёртвого существа и молодого мужчины, казалось, вошла в странный контакт. Мордвин, словно действительно понимая птицу, тут же довольно улыбнулся, потрепав её по голове.

— Пойдёмте, Нориэль, злобная ящерица. Равен нашёл ещё одну стаю.

Нориэль улыбнулся.

В одно мгновение прошло ещё несколько лет, наступил триста сорок первый год от В.О. Пять лет с момента, как родился Да-Ру и шесть лет с момента, как Нориэль познакомился с Мордвином.

К несчастью, несмотря на все старания ребят, глобально тварей не становилось меньше. Более того — обстановка постепенно накалялась. Незаметно, по чуть-чуть. И далеко не только в мире, но и в душе одного конкретного человека. Человека, что проявил небывалое терпение. Человека, что действительно и сам любил познавать чудо, погружаясь в него порой как бы не глубже, чем Нориэль.

Не нужно уточнять, что первым, кто смог по-настоящему прикоснуться к душам тварей, был совсем не чудотворец, повелевающий природой, а первый в истории северных земель некромант.

Триста сорок первый год от В.О. Год, когда Мордвин впервые по-настоящему обогнал своего друга.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3611132>